

правильно описывать новую социалистическую действительность и быстро выработать слащавый и высокий стиль, который скрыл бы под плотным покрывалом давно известную *пошлость*.

Социалистический реализм был совершенно не русским явлением, полагал Набоков. Но чем же он был? Пожалуй, он, все-таки, был второй головой русской двойственной традиции, ставшей теперь господствующей. В России он породил, во всяком случае, реакцию, влияние которой сохраняется и сказывается и у нас, и в наше время.

Реальный социализм Востока и культурная революция Запада

Роджер Скратон, один из наиболее острых критиков постмодернизма, считал, что у высокой культуры религиозные корни, что на самом деле культура есть то, что осталось от ушедшей веры. Иными словами, культура, таким образом, продолжает труд веры другими средствами.

Здесь следует упомянуть, что Скратон понимает культуру в духе Гердера, как традицию, которая придает цивилизации ее дух и миссию. Культура есть знание о ценностях и ценимом, которое передается от одного поколения другому. Она есть лучшее, что было сказано и сделано, и ее ядро находится в лучших канонических произведениях. Правда, красота и добро есть иерархические и социальные понятия, люди овладевают знанием о них при посредстве культуры, а роль высокой культуры заключается в том, чтобы представлять высочайшие достижения этих ценностей.

Скратон, таким образом, отвергает решительно релятивизм и эгалитаризм: чье угодно переживание абсолютно не благо, чье угодно стремление не «веско». То, что относится к высокой культуре, решает общество. Оно, по возможности, наиболее весомо судит о ценностях, к которым оно стремится, и которые в действительности формируют ядро всей человеческой жизни, стремление к самому высокому, что может дать жизни человека осмысленное содержание даже при гибели веры.

Следовательно, у высочайших достижений культуры есть особая святость, полученная ими от веры, наследниками которой они являются. Так обстоит дело, по крайней мере, в здоровых цивилизациях, которые заключают в себе еще не увядшие чистые формы культуры, духа, в отличие от клонящихся к упадку. Цивилизация может

еще долго существовать после того, как вдохновлявшая ее культура умрет, но только как скорлупа она уже не способна осуществлять свою задачу, и в силу этого дни всей цивилизации сочтены.

Скратон полагает, что наша собственная цивилизация фактически бездуховна. Хранители культуры, которым следовало бы в университетах передавать святой огонь новым поколениям, получают заработную плату за то, что учат деконструировать культуру, «разоблачая» ее, чтобы та не служила в сколько-нибудь значительной степени притязаниям на власть. В силу этого на каждом интеллектуале лежит обязанность восставать против основополагающих ценностей культуры, создавая собственные и освобождаясь тем самым от данных, навязанных конструкций. «Человечества», как такового, полагает Скратон, нет, еще меньше, чем считал Ленин, общих интересов между классами.

Это разбивание в осколки человеческого мира означает, разумеется, одновременное отрицание всех абсолютных ценностей и сути. Если нет ничего более высокого, общепринятого, кроме желания индивида и его стремления к удовлетворению этого желания, то и у ценностей культуры не может быть ничего общезначимого. Любое само по себе не лучше, чем любое другое. Для торговца, как жреца культуры, дорога открыта, и, пожалуйста, поп-культура может оказаться официальной культурой, что, по мнению Скратона, уже произошло. Высокая культура превращается в этой атмосфере в пустую скорлупу, которая уже не претендует ни на что более высокое, чем соперничающие с ней формы развлечения.

По мнению Скратона, культура на Западе еще живет в катакомбах. Она не может уже уверенно выступать на арене, и вообще не получает того признания, которого заслуживает. Новые поколения уже не интересуются созданиями «умерших белых гетеросексуальных мужей», которые забываются и уничтожаются. Канон культуры умирает тогда, когда он уже живет не в опыте человека, а лишь в тайниках архивов.

Взгляд Скратона на пределы сакральности культуры и особенно высокой культуры, разумеется, сам по себе не нов и не исключителен. В действительности, он был более или менее обычным взглядом еще поколение назад. Интересно, что даже советский социалистический реализм не оспаривал общечеловеческую состоятельность канона культуры, именно канона высокой культуры. Хотя всемирную историю стремились объяснить «классовым» жаргоном, официальная идеология, в конце концов, после бурных и пылких лет оставила немалое место для всемирного культурного

наследия. Прежде всего, это касалось тех достижений культуры, которые удостоивались оценки «прогрессивных» для своего времени и новых и высочайших представителей мировой истории. Понятным исключением оказывался «формализм», который отвергал мысль о содержании искусства как его существенной функции и сосредотачивался вместо этого на фокусничестве с разработкой новых форм, становившимся самоцелью. Он и прочие произведения умирающей разлагающейся культуры буржуазии, от детективов до порнографии, вообще не заслуживали пощады в глазах священников социалистического реализма. Исключениями были подобные Пикассо и Неруда сторонники коммунистической идеологии, их работы содержали ту прогрессивную весть, которая заставляла прощать грехи формализма.

Согласно словарю реального социализма, культура Советского Союза была вершиной культурного наследия человечества, которая передаст будущему наиболее благородные достижения. Так что все прогрессивное классическое культурное наследие было в неизбежной гармонии с одухотворенной политикой абсолютной прогрессивности компартии Советского Союза. Тем самым было возможно и, более того — желательно, — передать наследие высокой культуры человечества через советский народ в будущее. В Советском Союзе можно было прочесть огромное количество классиков мировой культуры, их пьесы ставили в театрах, оркестры исполняли их сочинения, даже архитектура стремилась к классическим формам, пока в 1960-е гг. не попала основательно в плен диктатуры пустого кошелька и не приняла в качестве догмата дешевизну «хрущевок».

Но советский народ учил своих классиков и ценил их. Интеллигенция прямо служила классическому искусству и гениям литературы и знаменитостям своего времени. Фактически это означало, что в самой советской культуре формировалась «пятая колонна», первейшим вопросом для которой был не тот, что у Ленина — «кому это выгодно?» Культура в духе Скратона — во многом продолжение веры иными средствами. Церковь и духовенство и верные им приходы в начале 1930-х гг. были в России посредством драматических преследований уничтожены. На их место была предложена идеология, которая развивала собственные мифы и ритуалы и заверяла, что обладает мандатом всемогущего народа, творящего свою историю.

Коммунистическая идеология была недоделанной верой, распространявшей гнилостный запах. Истина, благо и красота были

провозглашены ею как идеалы, но не абсолютные, а относительные, находящиеся на службе прогресса практическими ценностями. Партия представляла практически совершенной, она была почти святой и величественной. Для зоркого глаза ее фальшь была очевидной, а натренированный нос мог распознать вонь. Учиться этому не требовалось, нужно было быть честным. Поддержка критического взгляда была возможна в классической культуре, которая тоже подвергалась цензуре, но весьма осторожно и половинчато, дабы избежать скандалов.

Большевицкая революция преуспела благодаря фанатизму и бесцеремонности. Первоначально с ней помимо brutality нередко была связана искренняя вера в счастливый результат. Суровая действительность быстро научила людей, что для сохранения власти требуется мобилизация всех ресурсов. Власть стала самоцелью, и люди поняли это очень быстро. Языком власти стал новояз, который Оруэлл увековечил в своей антиутопии. В этом отношении Советский Союз был первой постмодернистской страной без веры, сам себя сконструировавший.

Но помимо всего этого, существовала также культура, абсолютистское и святое царство, в которое бежали интеллектуалы. Пушкин и Толстой, Достоевский и Тургенев предлагали путь в иной мир, в котором истина была не в решениях Политбюро. Москва колоссально развивалась, как писал Булат Окуджава, вместо извозчиков покатали вдоль улиц современные автомобили...

...И все-таки жаль,
Что нельзя с Александром Сергеичем
Пожинать в «Яр»
Заскочить хоть на четверть часа...

Встреча юных коммунистов «тайстоласцев» и русских интеллигентов была культурным шоком для тех и других. Гораздо больше, чем наивность адептов реального социализма, русских потрясал их нигилизм. Без веры они также лишились культуры. Прimitивный эгалитаризм оказывался пределом того, что финские товарищи могли понимать. Культура была высочайшим средством классовой борьбы, и чем более грубыми были формы, тем более пролетарским было впечатление. Железный голос и «деятельность» венчали театр и песню. В 1969 г. московские учащиеся поставили в честь финских гостей финскую пластинку, на которой были записаны наиболее значительные финские прогрессивные культурные произведения. Дерущий уши ужасный шум заставил

хозяев подозревать какую-то неисправность, но оказалось, что неисправность в действительности заключалась в исполнителях и что их игра и звучала как какофония. В живописи, как и в остальном, финны не уважали мастеров идеи и трудоемкого обучения технике. Каждая действительно революционная блестящая идея оказывалась достоянием публики. Это ужасало тех русских учащихся художественных училищ, которые стремились к мастерству через упорный труд и получали в сотоварищи по учебе финнов, не обладавших даже примитивнейшими навыками.

Эти финско-русские встречи, целью которых было искреннее стремление найти общий язык и понимание об этом мире, остались в прошлом уже поколение назад. Финны теперь отвергли Брежнева, а русские, со своей стороны, завели знакомство с постмодернистскими гуру. Никакой нивелировки, однако, пока не произошло. Финны по-прежнему не ценят культуру, а русские еще не перестали ее ценить. Пока еще между нашими народами в области культуры сказывается разновременность. Русские были спасены от «культурной революции» 1960-х гг. и можно полагать, что сохраненное ими наследие высокой культуры позволяет им судить современные культурные явления с позиций более серьезных, чем их западным коллегам.

Россия снова на распутье?

Многие не верили своим глазам, когда американский исследователь Александр Янов в 1978 г. опубликовал свою книгу *The Russian New Right*. Едва ли кто слышал, что в Советском Союзе существовало националистическое, не коммунистическое политическое течение. Еще реже могли счесть такое заслуживающим внимания. Но Янов, который несколькими годами ранее эмигрировал из Советского Союза, знал ситуацию лучше. Позже, в 1987 г., когда о горбачевских реформах и их возможных результатах нельзя было сказать ничего определенного, Янов опубликовал новую книгу — *The Russian Challenge and the Year 2000*. Обложку книги украшала икона, на которой голову образа Иисуса окружали вместо нимба снопы с герба Советского Союза и красная звезда. В тот период доверие к Янову несколько возросло, и когда Советский Союз затем рухнул, новые правые в России скоро были у всех на устах. Жириновского и новых нацистов боялись, предсказывали погромы. Казалось, что в России может повториться история Веймарской Германии.